

Э.К. Ногойбаева,
руководитель и ст. преподаватель
направления «Международное и бизнес-право»,
Американский университет в Центральной Азии

Механизм реализации международных договоров и норм международного права в Кыргызской Республике

Введение

Каждое государство-участник международных договоров, в соответствии с принципом *pacta sunt servanda*, обязано добросовестно выполнять взятые на себя обязательства по этим соглашениям. Данный принцип, который первоначально сформировался в обычном праве, закреплён в статье 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Вместе с тем, принцип *pacta sunt servanda* лишь фиксирует обязанность государств добросовестно и в полном объеме исполнять международные обязательства, предусмотренные в международных договорах. Требуются усилия для претворения международного права в жизнь и применения содержащихся в нем норм на практике. Иначе говоря, необходимо обеспечить механизм реализации международных договоров.

Международно-правовое регулирование в широком смысле охватывает две основные фазы: правотворческую фазу, в которой протекает процесс создания международно-правовых норм, и правоприменительную фазу, в которой происходит процесс осуществления норм [8, с. 10]. Таким образом, механизм реализации норм международного права есть не что иное, как процесс, в ходе которого соответствующие субъекты, которым адресована норма, действуют в согласии с ее положениями. Нередко требуются дополнительные правовые и организационные меры со стороны государств-участников для всестороннего и полного осуществления норм международного права.

Поскольку весь смысл международно-правового регулирования состоит в достижении определенного конечного результата, к которому стремятся участники международного общения, то, по справедливому замечанию известного российского юриста И. И. Лукашука, «осуществление международно-правовых норм является, как правило, гораздо более сложной и ответственной задачей, чем их принятие» [8, с. 16]. Разрешение этой задачи возможно лишь при наличии оптимального механизма реализации как определенной совокупности правовых и организационных средств, используемых субъектами международного права на международном и национальном уровнях с целью воплощения предписаний норм международного права. В большинстве случаев механизм реализации норм международного права – это прерогатива суверенных государств, использующих в этих целях свой внутренний организационно-правовой механизм.

Основным способом выполнения норм международного права является непосредственное выполнение определенных правил поведения теми, для кого они предназначены [25, с. 34]. Не преуменьшая роль государства в правореализационной деятельности, тем не менее, следует отметить, что, в конечном счете, «адресатом» абсолютного большинства норм международного права являются государственные органы и физические лица государства – участники международного договора [26, с. 366]. Однако нормы международного права порождают правоотношения только между субъектами международного права и не порождают одновременно таковых между субъектами внутреннего права. В связи с этим непосредственная реализация норм международного права на национальном уровне не может быть достигнута только одними усилиями государства как субъекта международного права. Обсуждая проект Статей об ответственности государств и рассматривая недозволенное действие, которое может быть приписано государству, Комиссия по международному праву ООН очень верно обратила внимание на эту ситуацию:

«Государство – реальная организованная целостность, однако признание этой “реальности” не означает отрицания элементарной истины, что государство как таковое не способно действовать физически. Следовательно, в конечном счете, поведение, рассматриваемое как “акт государства”, не может быть ничем иным, кроме как действием или отсутствием действия, физически реализованным человеком или сообществом людей» [19, с. 183].

Поэтому в ряде случаев для того, чтобы превратить цели, заложенные в нормах международного права, в реальные действия или, в ряде случаев, бездействие находящихся под государственной юрисдикцией органов и физических лиц, необходимо принятие определенных мер на внутригосударственном уровне. Принятие этих мер возможно лишь в рамках внутригосударственного механизма реализации.

Под **механизмом реализации норм международного права на внутригосударственном уровне** понимается совокупность национальных правовых и организационных средств, применяемых государством в целях всестороннего, своевременного и полного осуществления принятых в соответствии с международным правом обязательств.

Содержание правовых и организационных средств обеспечения осуществления нормативных предписаний, вытекающих из международного права в каждом государстве, зависит, во-первых, от характера международно-правовых норм, а во-вторых – от особенностей внутригосударственной правовой системы.

Рассматривая влияние правового содержания норм международного права на процесс их реализации на внутригосударственном уровне, следует отметить, что по характеру нормативных предписаний и возможности их применения внутри государства в нем содержится два вида норм – самоисполнимые и те, исполнение которых зависит от помощи национального права [20].

Впервые критерий самоисполнимости международно-правовых норм был сформулирован еще в 1829 г. Верховным Судом США: международный договор является самоисполнимым «каждый раз, когда он действителен сам по себе без обращения к законодательным мерам» [28, с. 161]. Следует признать, что данный подход с некоторыми уточнениями не утерял своей актуальности до настоящего времени.

Для того чтобы положения международных договоров были точно определены как самоисполнимые нормы, их формулировка должна быть достаточно ясной и полной

[24, с. 110], с тем чтобы дать непосредственные результаты в пределах национального права [17, с. 3–4], т. е. содержащиеся в них предписания должны прямо наделять государственные органы, юридических и физических лиц-участников договора правами и обязанностями без вмешательства со стороны национального законодателя [22, с. 164]. При этом, как совершенно справедливо замечает бельгийский профессор Э. Давид, «тот факт, что международная норма может быть подвергнута процедуре приема во внутреннее право, не означает отсутствия прямого действия» [21, с. 90–95].

Иными словами, возможность прямого применения должна быть санкционирована национальным правом. В этом смысле решение данной задачи происходит при помощи актов, которыми выражается согласие государства на обязательность для него международного договора (о ратификации, присоединении, утверждении и т. п.), поскольку в них содержится санкция на осуществление международно-правовых норм не только в межгосударственных отношениях, но и внутри государства. Однако при этом акт о выражении согласия на обязательность для государства международного договора не изменяет юридической природы самоисполнимых международно-правовых норм, связанной с возможностью прямо наделять государственные органы, юридические и физические лица, одним словом, участника договора правами и обязанностями без дополнительного внутригосударственного нормотворчества.

Самоисполнимость нормы устанавливается по характеру содержащегося в ней предписания [22, с. 164].

Ко второй группе норм международного права относятся нормы, исполнение которых зависит от помощи национального права и принятия соответствующих организационных мер органами государства-участника международного договора. По мнению известного польского юриста-международника К. Држевицкого, в международном праве обязательства, содержащие такие нормы (автор называет их «исполнимые обязательства»), были особо подчеркнуты в статье 1, общей для всех четырех Женевских конвенций 1949 г., содержащей положение о том, что «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются при любых обстоятельствах соблюдать и заставлять соблюдать настоящую Конвенцию» [23, с. 33–35]. Држевицкий подчеркивает, что данное исполнимое обязательство было усилено и заметно расширено статьей 80 Дополнительного протокола I 1977 г.:

1. Высокие Договаривающиеся Стороны и стороны, находящиеся в конфликте, без промедления принимают все необходимые меры по выполнению обязательств, возлагаемых на них Конвенциями и настоящим Протоколом.

2. Высокие Договаривающиеся Стороны и стороны, находящиеся в конфликте, отдают приказы и распоряжения с целью обеспечения соблюдения Конвенций и настоящего Протокола и осуществляют контроль над их выполнением» [24, с. 110–111].

Сходные нормы содержатся и в других международных договорах, например, в статье 28 Гаагской конвенции о защите культурных ценностей от 14 мая 1954 г., в статье 14 Протокола 2 к Конвенции о запрещении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие.

Главным в содержании исполнимых обязательств является то, что принятие соответствующего национального законодательства должно признаваться одной из фундаментальных обязанностей государств-членов [24, с. 110]. Национальное законо-

дательство должно составлять основную часть от общего массива мер, принимаемых для гарантирования должной реализации международного договора, а применение международного права в большой степени зависит от эффективного включения его правил в национальное право. Поэтому окончательная цель, которая должна быть при этом достигнута, – полная согласованность национального законодательства во всех странах с международным правом [24, с. 109–110].

Вместе с тем, несмотря на столь большое значение законодательства, процесс реализации на внутригосударственном уровне не ограничивается только этими мерами правового характера. Немаловажную роль играют и меры организационного характера. В основе этих мер лежит не связанная с дополнительным внутригосударственным нормотворчеством оперативно-исполнительная деятельность государственных органов и индивидов по воплощению в жизнь предписаний норм международного права.

Сразу следует обратить внимание на важность исследования вопроса о том, какие нормы международного права влекут принятие мер на внутригосударственном уровне и каков характер этих мер.

Профессор Франкфуртского университета Михаэль Боте в работе «Роль национального права в реализации международного права», справедливо обращает внимание на то, что существенным препятствием к адаптации мер, вытекающих из международных договоров и которые должны быть приняты государствами-участниками, является отсутствие осведомленности об их содержании. Задача же определения полного перечня норм международного права, влекущих принятие мер на национальном уровне, решается, по его мнению, пока весьма посредственно. Такая ситуация приводит к тому, что государственные органы, которые должны подготавливать необходимые законы или принимать соответствующие административные правила, недостаточно осведомлены о проблемах, с которыми они теперь сталкиваются [18, с. 307].

Таким образом, определение, хотя бы и в общем виде, перечня мер является важной научной и практической задачей. Такие попытки предпринимались неоднократно различными авторами. Например, немецкий юрист Дитер Флек в статье «Выполнение международного гуманитарного права: проблемы и приоритеты» предлагает свою классификацию мер, которые должны быть приняты на внутригосударственном и международном уровнях в целях реализации международных обязательств, вытекающих из международного гуманитарного права. Он выделяет четыре категории таких мер: национальное законодательство, принимаемое для выполнения Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов 1977 г.; организационные меры, принимаемые в мирное время; организационные меры, принимаемые в случае вооруженного конфликта, и деятельность по распространению знаний о международном гуманитарном праве и меры просветительского характера [13, с. 254–257]. Однако, на наш взгляд, более полный перечень мер, которые должны быть приняты на национальном уровне, предлагается швейцарским юристом К. Свинарски в монографии «Основные понятия и институты международного гуманитарного права как система защиты человека» [11, с. 34–37].

Вместе с тем, решение задачи по определению единого полного перечня мер по реализации международного права на внутригосударственном уровне, который мог бы быть использован в любом государстве, достаточно условно. Дело в том, что

перечень этих мер по отношению к конкретному государству не будет совпадать в связи с наличием ряда причин. Во-первых, это невозможно обеспечить в силу того, что не все государства являются участниками всех международных договоров. Во-вторых, из-за различий внутренних правовых систем вопрос об отнесении тех или иных положений международного права к самоисполнимым нормам или требующим помощи со стороны национального законодательства в разных государствах будет решаться по-разному. Поэтому представляется важным заметить, что определение перечня мер по реализации международного права, которые должны быть приняты на внутригосударственном уровне, для каждого государства должно решаться отдельно, с учетом их участия в международных договорах и особенностей национального реализационного механизма.

Следует отметить, что в теоретических работах, посвященных исследованию реализации норм международного права, вопрос о юридическом содержании процесса подключения национального права к обеспечению процесса достижения целей, заложенных в международно-правовых нормах, практически не исследован. Однако в рамках обсуждения таких центральных межотраслевых проблем международного права, как реализация его правовых предписаний и соотношение международного и национального права, этому вопросу отводится значительное место в научных работах. Более того, вопрос о юридическом содержании процессов подключения национального права был и до настоящего времени остается одним из наиболее дискуссионных среди юристов-международников из бывшего СССР, стран Восточной Европы. В концентрированном виде эти дискуссии выражаются в обсуждении концепции трансформации, в само понятие которой разными авторами вкладывается отнюдь не адекватный смысл.

Ряд юристов (Д. Б. Левин, П. Райдонов, Ю. Г. Ткаченко, Л. Х. Мингазов) рассматривают трансформацию в качестве способа приведения в действие норм международного права наряду с отсылкой, инкорпорацией. Например, Л. Х. Мингазов пишет о «различных способах и средствах имплементации в форме отсылки, инкорпорации, трансформации» [9, с. 188].

Е. Т. Усенко трактует понятие трансформации в широком смысле и пишет о ней как об «объективном явлении, выражающемся в различных способах осуществления международных обязательств государства посредством издания им национальных правовых актов» [12, с. 16]. Причем, рецепцию и отсылку данный автор рассматривает в качестве разновидностей трансформации. Но в целом все разновидности трансформации он подразделяет на два вида: генеральную и специальную. Генеральная трансформация, по его мнению, заключается в установлении государством в своем внутреннем праве общей нормы, придающей международно-правовым нормам силу внутригосударственного действия. Специальная трансформация заключается в придании государством конкретным нормам международного права силы внутригосударственного действия путем воспроизведения их в законе текстуально либо в виде положений, адаптированных к национальному праву, или путем законодательного выражения согласия на их применение иным способом [13, с. 254–257]. Так же в широком смысле понимает трансформацию С. В. Черниченко. Он определяет данное понятие как путь применения норм международного права, обязывающих какое-либо государство в сфере его внутренней юрисдикции. При этом он различает две формы

трансформации фактическую и юридическую – и выделяет пять видов юридической трансформации: автоматическая инкорпорация, отсылка, индивидуальная инкорпорация, адаптация и легитимация [14, с. 48–52].

В связи с этим более точной представляется точка зрения А. С. Гавердовского о возможности использования понятия «рецепция» для описания процесса подключения национального права для решения задачи по воплощению на внутригосударственном уровне предписаний международно-правовых норм и понимания терминов «инкорпорация», «трансформация» и «отсылка» как способов восприятия национальным законодательством норм международного права.

Совокупность правовых мер государства по принятию нормативных правовых актов в целях выполнения международных обязательств и представляет, по мнению автора, известный в истории права процесс восприятия (рецепции) национальным правом правил международных договоров.

Рецепция включает в себя два существенных момента: во-первых, восприятие национальным правом предписаний международного права через механизм ратификации или одобрения (утверждения) международных договоров и, во-вторых, передачу (трансмиссию) прав и обязанностей, возложенных договором на государство, компетентным государственным органам с целью непосредственной их реализации. При этом, считает А. С. Гавердовский, сама норма международного права как форма существования предписаний международного права, как регулятор межгосударственных отношений, остается непоколебимой и равно обязательной для создавших ее субъектов. Формирующиеся в результате правовой реализации международных договоров новые нормы являются типичными нормами внутреннего права, по своей сущности не отличающимися от норм национальной системы права. Они функционируют как элементы этой системы, подчиняются ее принципам и процессуальным формам. Содержание и форма рецепированной национально-правовой нормы могут не совпадать с содержанием и формой предписаний нормы международного права. Однако, воспринимая национальным правом правила международно-правовых норм, государство не может извращать существа норм международного права, ибо это означало бы нарушение международного права с вытекающими отсюда последствиями в виде ответственности или санкций [3, с. 70–91].

Национальный механизм реализации норм международного права каждого конкретного государства обладает присущими только ему чертами, зависящими от особенностей внутренней правовой системы. Однако ряд признаков, прежде всего, характеризующих его структуру, являются общими для любого государства.

Структура национального механизма имплементации включает в себя следующие элементы:

- закрепленные в национальном правопорядке правовые средства обеспечения выполнения международных обязательств на внутригосударственном уровне;
- система государственных органов, уполномоченных на реализацию международных обязательств;
- национальная правоприменительная практика;
- организационные средства, применяемые на внутригосударственном уровне для обеспечения реализации международного права.

Достижение социально значимых целей норм международного права возможно,

только если используются правовые средства, которые призваны обеспечить решение этой задачи. К правовым средствам обеспечения реализации на внутригосударственном уровне международных обязательств следует отнести национальную систему нормативного обеспечения реализации международного права и способы восприятия национальным законодательством положений международного права.

Национальная система нормативного обеспечения реализации международного права составляет правовую основу осуществления международно-правовых предписаний на внутригосударственном уровне и включает в себя, во-первых, нормативные правовые акты общего характера о соотношении международного и внутригосударственного права, о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров, об осуществлении правотворческой деятельности, компетенции государственных органов в области реализации и, во-вторых, национальные правовые акты, принимаемые в целях обеспечения реализации международных обязательств по конкретным международным договорам (имплементационные правовые акты).

Правовое содержание этих средств зависит, прежде всего, от решения в национальном законодательстве вопроса о соотношении международного и внутригосударственного права. В доктрине современного международного права теоретические основы решения проблемы соотношения международного и национального права представлены в основном двумя теориями: дуалистической и монистической. Сторонники дуалистической теории рассматривают изолированно международный и национальный правопорядок. С другой стороны, монисты выдвигают теорию, что международное и национальное право – части единого правопорядка [1, с. 6]. Вместе с тем, следует отметить, что государства едва ли в «чистом виде» отдают сегодня предпочтение какому-то из этих теоретических воззрений, хотя и несомненно другое – влияние, которое оказывают эти взгляды на формирование механизма реализации на внутригосударственном уровне, способы и формы реализации международного права, применяемые в современной практике государств, а также юридическую силу международного договора в международном и внутригосударственном плане.

В целях решения вопроса о соотношении международного и национального права государства в своих конституциях или иных нормативных правовых актах закрепляют положения, которые определяют юридическую силу международных договоров и их внутригосударственную применимость, регулируют порядок заключения, исполнения и денонсации международных договоров.

Так, в одних государствах международный договор становится частью национального права и, следовательно, действенным источником внутригосударственного права, на который ссылаются и на котором основываются национальные суды при разрешении споров (США, Франция, Бельгия, Нидерланды, Швейцария, Литва и др.).

В других государствах создается соответствующее законодательство, чтобы отразить юридические положения международного договора в национальных законодательных системах, используя более точные термины и адаптируя их к специфике своих внутренних законодательств. Например, в ряде стран восприятие норм международных договоров происходит путем принятия специального правового акта, например, закона, в котором воспроизводятся положения договора, акта об обнародовании и т. п. (Великобритания, Канада, Израиль и др.).

При рассмотрении вопроса о месте международного договора во внутригосударственной правовой иерархии следует отметить, что, поскольку ряд государств не признают международный договор как источник права, имеющий силу во внутригосударственном праве, вопрос о помещении международного договора в национальную правовую иерархию в таких странах вообще не возникает. В большинстве государств место международных договоров в иерархии правовых актов неодинаково и решается в зависимости от соответствующих положений национального законодательства конкретного государства.

В некоторых странах, хотя и немногих, должным образом заключенный международный договор имеет преимущество над национальным правом, включая конституцию (ФРГ, Италия, Греция, Туркменистан, Узбекистан).

Другая часть государств признает примат международного договора над законом или их равенство между собой (Франция, Россия, США и др.).

Соотношение международного права и национального права в Кыргызской Республике

31 августа 1991 г. Верховный Совет Республики Кыргызстан издал Декларацию о государственном суверенитете Республики Кыргызстан. Определенное внимание в Декларации было уделено международному праву. Так, в Преамбуле Верховный Совет торжественно провозгласил полный государственный суверенитет Республики Кыргызстан, «в соответствии с принципами Всеобщей декларации прав человека и другими общепризнанными международно-правовыми актами» (6). Таким образом, Кыргызская Республика выразила «*optio juris*» в отношении Всеобщей декларации прав человека. Многие положения Всеобщей декларации впоследствии были трансформированы в Конституцию Кыргызской Республики, равно как и положения Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Декларация о государственном суверенитете Республики Кыргызстан (Закон КР от 11. 12. 1991 г. № 645-ХII) имел статус конституционного закона, который она утратила со вступлением в силу Конституции Кыргызской Республики 5 мая 1993 г.

В статье 12(3) Конституции говорится: «Вступившие в установленном законом порядке в силу международные договоры и соглашения, участником которых является Кыргызская Республика, а также общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Кыргызской Республики» [7]. В статье 9 (4) Конституции 1993 г. предусматривалось, что «Кыргызская Республика соблюдает общепризнанные принципы международного права, стремится к всеобщему и справедливому миру, взаимовыгодному сотрудничеству, разрешению глобальных и региональных проблем мирным путем». В последней редакции Конституции Кыргызской Республики данная статья выглядит следующим образом: «Кыргызская Республика стремится к всеобщему и справедливому миру, взаимовыгодному сотрудничеству, разрешению глобальных и региональных проблем мирным путем».

В соответствии со статьей 16 (1) Конституции (редакция 2003 г.), «В Кыргызской Республике признаются и гарантируются основные права и свободы человека в

соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами и соглашениями по вопросам прав человека, вступившими в законную силу» [2].

На основании вышеупомянутых статей, а также статьи 1 (3) и статьи 8 (1) Закона КР «О нормативных правовых актах КР» от 1 июля 1996 года (новый Закон Кыргызской Республики «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» № 241 от 20 июля 2009 г.), преамбулы Закона КР «О международных договорах КР» от 21 июля 1999 года международные договоры являются правовой основой межгосударственных отношений Кыргызской Республики.

Международные договоры Кыргызской Республики в соответствии с Конституцией Кыргызской Республики являются составной и непосредственной действующей частью законодательства Кыргызской Республики.

Кыргызская Республика выступает за неукоснительное соблюдение норм международного права и подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права – принципу добросовестного выполнения международных обязательств. Можно составить следующую схему иерархического соотношения нормативных актов, входящих в правовую систему Кыргызской Республики:

- общепризнанные принципы международного права;
- Конституция Кыргызской Республики;
- вступившие в установленном законом порядке в силу международные договоры и соглашения Кыргызской Республики;
- законы, указы Президента, международные обязательства Кыргызской Республики, вытекающие из договоров, не подлежащих ратификации, и обычных норм международного права;
- акты межгосударственных образований, участником которых является Кыргызская Республика, подзаконные нормативные акты, принятые Правительством, Верховным судом, Генеральным прокурором.

Статья 13 Конституции провозгласила, что «Основные свободы и права человека принадлежат каждому от рождения. Свободы и права человека являются действующими. Они признаются в качестве абсолютных и неотчуждаемых, определяют смысл и содержание деятельности законодательной, исполнительной власти, органов местного самоуправления, защищаются законом и судом. В Кыргызской Республике все люди равны перед законом и судом. Никто не может подвергаться какой-либо дискриминации, ущемлению свобод и прав по мотивам происхождения, пола, расы, национальности, языка, вероисповедания, политических и религиозных убеждений или по каким-либо иным обстоятельствам личного или общественного характера» [7].

Данные положения развиваются в статье 18 (1): «В Кыргызской Республике не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека» и статье 17 (1): «Перечисление прав и свобод, закрепленных в Конституции КР, не является исчерпывающим и не должно пониматься как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека». Толкование выражения «права и свободы... предусмотренные Конституцией» должно происходить не в рамках одной статьи, а в рамках и в духе всего Основного Закона. И Конституция, и акты законодательства Кыргызской Республики содержат отсылки к источникам международного

права, нормы которых обязательны для государственных органов и должностных лиц. Такое толкование, как представляется, лишь укрепляет принцип верховенства права, который устанавливается в Конституции КР [7].

Ответственность демократической республики, построенной на началах правового светского государства, которой объявляется Кыргызская Республика в статье 2 Конституции КР, неразрывно связана с ответственностью государственных органов и должностных лиц. Поэтому статья 21 (4–5) Конституции устанавливает, что «Защита свобод и прав граждан, недопущение правонарушений и восстановление нарушенных прав – обязанность государства, всех его органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц. Кыргызская Республика гарантирует судебную защиту всех свобод и прав своих граждан, которые устанавливаются настоящей Конституцией и законами».

Конституция не только устанавливает ответственность государственных органов и должностных лиц, но также предоставляет каждому лицу, чьи права нарушены, право на судебную защиту. В соответствии со статьей 38 (2), «Кыргызская Республика гарантирует судебную защиту всех прав и свобод граждан, закрепленных Конституцией и законами КР». Однако статья 83 (1) устанавливает, что «суды независимы и подчиняются только Конституции КР и законам», кроме того, согласно ст. 87 (1) «суд не вправе применять нормативный правовой акт, противоречащий Конституции КР». В соответствии с Законом КР «О Верховном суде Кыргызской Республики и местных судах» от 18 июля 2003 года ст. 1 (1–2), «Правосудие в Кыргызской Республике осуществляется только судом путем рассмотрения и разрешения судьями судов Кыргызской Республики дел, отнесенных к их ведению, на основании и в порядке, установленных законами. Правосудие осуществляется от имени Кыргызской Республики и имеет своим назначением защиту прав, свобод и законных интересов граждан, человека и юридических лиц, обеспечение исполнения Конституции, законов, иных нормативных правовых актов и международных договоров Кыргызской Республики», но в ст. 4 (1) предусмотрено, что «Суды осуществляют судебную власть самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, подчиняясь только Конституции Кыргызской Республики, настоящему Закону, процессуальным и иным законам».

Данную статью можно интерпретировать как ограничивающую компетенцию судов непосредственно применять нормы международного права. Согласно такой трактовке, только Конституционный суд как судебный орган обладает компетенцией непосредственно применять нормы международного права. Существует и другая точка зрения. В соответствии с ней слова «нормативные акты, принятые в соответствии с Конституцией» означают не только внутригосударственные нормативные акты, но и международные соглашения Кыргызской Республики. Последняя интерпретация кажется более предпочтительной при условии контроля со стороны Конституционного суда за применением судами международного права и обеспечении единообразного толкования применяемых положений.

Данные положения могут вызывать коллизии. Если рассматриваются договорные обязательства, то, в соответствии с принципом *pacta sunt servanda*, закрепленным в статье 26 Венской конвенции о праве международных договоров, а также статьях 27 и 46 вышеупомянутой Конвенции, государства не имеют права ссылаться на положения

внутреннего права в качестве основания недействительности его согласия на обязательность договора. Исключение составляет случай, когда имеет место нарушение конституционной нормы («нормы особой важности»), касающейся компетенции заключать международные соглашения, и только если нарушение «будет объективно очевидным для любого государства, действующего в этом вопросе добросовестно и в соответствии с обычной практикой».

Что касается общих норм международного обычного права, то они обязательны вне зависимости от волеизъявления нашего государства. Более того, несоответствие международного обязательства императивной норме общего международного права (jus cogens) является основанием для признания договора ничтожным (ст. 53 Венской конвенции) [4, с. 359].

Правотворческая деятельность государств осуществляется в различных видах и формах. В каждой стране имеются свои особенности этой деятельности, которые проявляются в наличии у государства тех или иных видов правотворческой деятельности, характерных только для его внутренней правовой системы (в государствах англо-саксонской правовой системы, например, существует судебная правотворческая деятельность, в Российской Федерации – правотворчество с помощью референдумов и т. п.); в существовании различной процедуры принятия и вступления нормативно-правовых актов; в установлении особого порядка законодательного закрепления правотворческой деятельности государственных органов и др. [6]. Все эти особенности оказывают влияние на процесс реализации государствами обязательств, вытекающих из международного права. Наиболее сильно влияние национальной правотворческой процедуры сказывается на выборе участниками международных соглашений видов имплементационных нормативных правовых актов, призванных урегулировать отношения, вытекающие из их международных обязательств, а также на способах восприятия норм международного права внутренним законодательством.

Законодательный механизм реализации международных договоров в Кыргызской Республике

Несмотря на несовершенство механизма реализации, в законодательстве республики в этом вопросе наблюдается определенный прогресс. С 1990 года в Кыргызской Республике было издано значительное количество законов, содержащих отсылки к международным договорам. Большинство законов сегодня включают статью о приоритете положений международных договоров и норм международного права в случае коллизии с положениями законов: Закон об инвестициях от 27. 03. 2003 г., ст. 2 (3), Закон о концессиях и иностранных концессионных предприятиях в КР от 6. 03. 92 г., ст. 2, Закон о беженцах от 25. 03. 2002 г., ст. 3(2), Таможенный Кодекс КР от 12. 07. 2004 г., ст. 1 (3), ГПК КР от 29. 12. 99 г., ст. 1, Закон о государственной границе Кыргызской Республики от 19. 03. 99 г., ст. 3 и др.

21 июля 1999 года был принят закон «О международных договорах КР» взамен старого Закона о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров Республики Кыргызстан 1991 г. Важнейшей новеллой стала преамбула Закона, согласно которой «международные договоры Кыргызской Республики под-

лежат неукоснительному и обязательному соблюдению Кыргызской Республикой в соответствии с нормами международного права и законодательства Кыргызской Республики», ст. 28 (1).

Международные договоры КР в соответствии с Конституцией КР являются составной и непосредственной действующей частью законодательства КР. Кыргызская Республика выступает за неукоснительное соблюдение норм международного права и подтверждает свою приверженность основополагающему принципу МП – принципу добросовестного выполнения международных обязательств (Преамбула Закона о международных договорах КР 1999 г.).

Появился новый подход: «международное право – часть права страны». Этот подход не исключает возникновения коллизий, которые могут стать причиной международно-правовой ответственности государства. Коллизии систем международного и внутригосударственного права возможны, когда юридическая сила источников международного права равна или уступает юридической силе источников внутригосударственного права. Например, коллизия может возникнуть, когда закон противоречит международным обязательствам государства и отменяет на территории государства действие ранее принятого международного соглашения по принципу *lex posterior derogat priori*. Изменение действия международных обязательств национальным законодательством на внутреннем уровне не может изменить действия этих обязательств на уровне международном. Подобные коллизии исключены, когда признается приоритет международно-правовых обязательств по отношению к национальному законодательству.

Если какое-либо международное соглашение не устраивает государство, лучше его вообще не заключать либо, если оно заключено, необходимо осуществить процедуру выхода из него. Чтобы не возникало затруднений с прекращением действия международных соглашений, они должны предусматривать процедуру их денонсации и выхода из них.

В национальном законодательстве Кыргызской Республики зачастую нормы международного права признаются национальными судами несамоисполнимыми и не применяются из-за их «слишком общего характера», «нечеткой формулировки», «размытости» и т. п. Но если положение международного соглашения создает для государства обязательство, нарушение которого влечет международно-правовую ответственность, то и национальный суд на основании одних и тех же правил логики может установить нарушение данной нормы, какой бы общей она ни была. Когда национальный судья отказывается применять такое международно-правовое положение, основывая свое решение лишь на том, что данная норма «недостаточно определенная для внутригосударственного применения» (не отрицая, что она достаточно определенная для международного применения), он прибегает в данной ситуации к логическому софизму, за которым скрывается нежелание либо невозможность применять данное положение по совершенно иным причинам. Настоящие причины могут лежать в сфере национальной политики, в слабой международно-правовой подготовке судьи, но чаще всего – в неподготовленности национальной правовой системы для непосредственного применения и защиты данной нормы.

По мнению английского профессора А. Блекманна, «договор может рассматриваться как недостаточно определенный не только из-за своего содержания, но также

из-за того, что договор либо вводящий его в непосредственное действие закон неадекватно определяет процедуры и полномочия национальных органов власти и судов. Прежде чем договор будет рассматриваться на определенность в этом смысле, он должен хорошо согласовываться с системой в рамках национального правопорядка, которая должна дополнить договор общими правилами, регулирующими деятельность органов власти, процедурами и санкциями. Является ли содержание договора достаточно определенным, становится ясно только после его сопоставления с положениями национального права. Пока договор согласуется с национальным правом, он может быть введен в национальную правовую систему без больших сложностей. Где, однако же, договор значительно расходится с национальным правом и содержит «революционные» положения, зачастую будет требоваться дополнительное имплементационное законодательство, которое необходимо для того, чтобы претворить договор в жизнь» [16, с. 414–417]. Таким образом, для того чтобы непосредственно применять нормы международного права, необходимо соответствующим образом организовать взаимодействие государственных органов и судов, определить национальные санкции и средства правовой защиты, которые возможно применять в случае нарушения международно-правовых положений.

Если механизм реализации совершенен, то, в принципе, в национальной правовой системе можно применять все нормы международного права, которые не запрещено непосредственно применять самим международным правом. Государство может обеспечить наибольшую защиту установленных международным правом прав и свобод находящимся под его юрисдикцией лицам, если в своем законодательстве установит, что соответствие критериям самоисполнимости является лишь доказательством возможности *эффективного* непосредственного применения норм, однако несоответствие данным критериям не является *conditio sine qua non* для установления внутренней неприменимости норм. Презумпция внутренней применимости всех норм (и принципов) международного права целесообразна, так как вряд ли разумное лицо в подтверждение своих требований будет ссылаться на не относящуюся к делу и неприменимую норму. Отсутствие у потерпевшего права непосредственно ссылаться на нарушенную норму международного права в каждом конкретном случае должно доказываться тем, что причиненный ущерб не находится в прямой причинно-следственной связи с нарушением рассматриваемой нормы, а поведение государства или лица не является противозаконным, коль скоро потерпевший не имел законного основания ожидать иного поведения со стороны государства либо лица. Почему необходимость принятия дополнительного нормативного акта для *эффективного* применения международно-правового положения должно препятствовать как таковому непосредственному применению международно-правового положения и использованию уже существующих средств правовой защиты, которые могут быть непосредственно использованы при защите прав и законных интересов потерпевших, чтобы смягчить негативные последствия, возникшие в результате несвоевременного принятия имплементационного законодательства? [6]

Рассматривая вопрос о защите несамоисполнимых прав, следует также упомянуть о возможности обжалования противоконституционного упущения (бездействия) законодателя в Португалии (ст. 283 Конституции Португалии) и ФРГ. Правда, только в ФРГ допускаются жалобы от частных лиц, индивидуальные или групповые, поданные

на бездействие законодателя, и то лишь в исключительных случаях [15]. Наличие подобного института было бы желательным и в правовой системе Кыргызской Республики.

Подход к соотношению внутреннего законодательства и международного права, закрепленный в статье 6 Гражданского кодекса, не является единственным. Гражданский процессуальный кодекс 1999 г. (ст. 1) и Трудовой кодекс 1997 г. (ст. 3), регламентируя вопросы международного права, предусматривают принцип приоритета международных договоров. Уголовно-процессуальный кодекс 1999 г. в ст. 1 (2) устанавливает: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры, ратифицированные Кыргызской Республикой, являются составной частью уголовно-процессуального права и непосредственно порождают права и свободы человека в сфере уголовного судопроизводства», устанавливает совместное регулирование уголовного процесса Кодексом и международными договорами Кыргызской Республики, определяющими права и свободы человека и гражданина. Принцип совместного регулирования закреплен также в Уголовно-исполнительном кодексе КР от 13. 12. 99 г. (ст. 1) и Кодексе об административной ответственности КР от 4. 08. 98 г. (ст. 1).

Взаимодействие органов власти и должностных лиц по реализации международного права в Кыргызской Республике

В соответствии со статьей 46 (3) Конституции КР, Президент ведет переговоры и подписывает международные договоры. Согласно статье 58 (1.22) Конституции, Жогорку Кенеш ратифицирует и денонсирует международные договоры, за исключением предусмотренных ст. 48 случаев, когда Президент КР вправе передавать полномочия, предусмотренные п.п. 2 п. 3 ст. 46 Премьер-министру КР, членам Правительства КР и другим должностным лицам, а также ратифицировать подписанные ими международные финансовые договоры и кредитные соглашения.

Статья 11 Закона о международных договорах устанавливает необходимость ратификации следующих международных договоров:

- при подписании которых стороны договорились о ратификации;
- которые устанавливают иные правила, чем те, что содержатся в законодательстве КР;
- международные договоры по вопросам, затрагивающим вопросы обороноспособности страны и разоружения; обеспечения мира и безопасности; о коллективной безопасности;
- о территориальном разграничении КР с другими государствами;
- об участии КР в межгосударственных образованиях;
- договоры об инвестициях; об использовании природных ресурсов; по предоставлению кредитов КР;
- договоры, предметом которых являются основные права и свободы человека и гражданина.

Институт ратификации международных соглашений обеспечивает соблюдение принципа разделения власти. Однако представляется целесообразным при ратификации различать «обычные» договоры и договоры, изменяющие и дополняющие

конституционные положения, и, соответственно, ратифицировать первые «обычными» законами, а последние — конституционными.

Следует отметить, что акты ратификации (утверждения, присоединения), с международно-правовой точки зрения, являются лишь формой выражения государством согласия на признание обязательности международного договора и носят лишь процедурный характер [10]. В законодательстве Кыргызской Республики ничего не сказано о дополнительных функциях ратификационных законов.

Закон о Правительстве Кыргызской Республики от 19. 10. 2005 г. устанавливает обязанность Правительства осуществлять меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью (ст. 11 п. 1, 2); обеспечивать реализацию внутренней и внешней политики Кыргызской Республики, а также выполнение международных договоров, вступивших в установленном законом порядке в силу; принимать решения о заключении межправительственных договоров (соглашений) Кыргызской Республики; продлевать либо расторгать такие договоры; осуществлять защиту граждан Кыргызской Республики за пределами ее территории (ст. 11, п. 3).

Согласно статьям 6, 7, 12, 18 Закона о международных договорах, при принятии решений о проведении переговоров по проектам международных договоров, о подписании, ратификации, утверждении международных договоров Кыргызской Республики и присоединении к международным договорам в соответствующих предложениях, среди прочего, должны быть представлены:

- заключения Министерства иностранных дел о соответствии проекта международного договора международным обязательствам Кыргызской Республики;
- заключения Министерства юстиции о соответствии (проекта) международного договора законодательству Кыргызской Республики;
- обоснование целесообразности его заключения;
- механизм реализации договора, который должен включать перечни норм законов, актов Президента и Правительства, подлежащих изменению, дополнению, отмене или принятию в целях исполнения международного договора Кыргызской Республики;
- оценка соответствующих министерств, государственных комитетов и административных ведомств о возможных финансово-экономических и иных последствиях заключения договора;
- заключения заинтересованных государственных органов;
- заключения Министерства финансов в части финансовых обязательств, вытекающих из проектов договоров (финансово-экономическое обоснование предполагаемых затрат в связи с реализацией соответствующего договора).

Таким образом, на основании подготовительных документов можно сделать вывод о том, какие положения международных соглашений, с точки зрения государства, являются несамоисполнимыми и требуют осуществления дополнительных мер. Кроме того, согласно ст. 19 Закона о международных договорах КР «Если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции КР, решение о согласии на его обязательность для КР возможно в форме закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию КР или пересмотра ее положений в установленном порядке». Вместе с тем, в ст. 20 данного Закона предусматривается временное применение КР международного

договора: «1. Международный договор или часть договора до его вступления в силу может применяться КР временно, если это предусмотрено в договоре или об этом была достигнута договоренность со сторонами, подписавшими договор. 2. Решение о временном применении КР международного договора или его части принимается органом, принявшим решение о подписании международного договора».

При рассмотрении механизма организационной реализации международного права в Кыргызской Республике следует обратить внимание на вопрос опубликования международных договоров. Статья 23 Закона о международных договорах устанавливает, что «вступившие в силу для КР международные договоры (за исключением договоров межведомственного характера) официально опубликовываются в Ведомостях Жогорку Кенеша КР, сборнике актов и законов Президента КР и в официальных изданиях Правительства КР», а международные договоры КР межведомственного характера, от имени которых заключены такие договоры, – в официальных изданиях этих органов или в официальных изданиях Правительства КР.

Ст. 41 Конституции КР предусматривает, что опубликование законов и других нормативных правовых актов, касающихся прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, является обязательным условием их применения.

В соответствии с Законом КР о порядке опубликования законов КР от 14.02.97 г., обязательному опубликованию подлежат законы, касающиеся прав, свобод и обязанностей человека и гражданина (ст. 3), и согласно п. 3 Указа Президента КР о порядке опубликования и вступления в силу законов от 24.04.96 г. «акты Президента Кыргызской Республики, имеющие нормативный характер и касающиеся прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, вступают в силу на всей территории Кыргызстана одновременно по истечении десяти дней с момента их опубликования в газетах «Эркин Тоо», «Свободные горы», «Кыргыз туусу», «Слово Кыргызстана», если не предусмотрен иной срок введения их в действие».

Как представляется, было бы целесообразным установить в законодательстве положение о том, что нормы международных соглашений Кыргызской Республики становятся обязательными для государственных органов и должностных лиц с момента вступления в силу данных международных соглашений. Равным образом, физические и юридические лица, находящиеся под юрисдикцией республики, могут пользоваться правами, предусмотренными в этих соглашениях, с момента вступления соглашений в силу, если рассматриваемые права могут быть отделены от устанавливаемых соглашениями обязанностей этих лиц или если заинтересованные лица готовы выполнять корреспондирующие обязанности и это не затрагивает прав и законных интересов третьих лиц. Обязанности же для физических и юридических лиц становятся действительными только после официального опубликования соответствующего соглашения. Опубликование соглашений, вступивших в силу и касающихся прав и свобод граждан, не должно затягиваться.

Закон о международных договорах КР регламентирует исполнение международных договоров КР в ст. 28 (1–2): «Международные договоры Кыргызской Республики подлежат неукоснительному и обязательному соблюдению Кыргызской Республикой в соответствии с нормами международного права и законодательства Кыргызской Республики. Международный договор подлежит выполнению Кыргызской Республикой с момента вступления в силу для Кыргызской Республики. Кыргызская Республика до вступления для нее в силу международного договора воздерживается с учетом соответствующих

норм международного права от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели». Согласно статье 29 (1) Закона о международных договорах, Президент Кыргызской Республики в соответствии с Конституцией Кыргызской Республики обеспечивает соблюдение заключенных республикой договоров и принятых ею обязательств. Часть 2 статьи 29 Закона гласит, что Правительство Кыргызской Республики разрабатывает меры по выполнению международных договоров Кыргызской Республики и определяет министерства, государственные комитеты, административные ведомства и должностных лиц, на которые возлагается ответственность за исполнение обязательств по международным договорам Кыргызской Республики. Согласно статье 30, общее наблюдение за исполнением международных договоров Кыргызской Республики осуществляет Министерство иностранных дел Кыргызской Республики. Общее наблюдение за исполнением международных финансовых договоров Кыргызской Республики, кредитных соглашений, соглашений о гранте осуществляет Министерство финансов Кыргызской Республики.

Таким образом, на основании существующего законодательства в Кыргызской Республике, возможно определенно установить органы и лица, ответственные за реализацию конкретных международных соглашений, и, в принципе, подать жалобу в порядке производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений, на их действия (бездействие) в случае невыполнения обязательств по имплементации вступивших в силу международных соглашений, предусматривающих права и свободы для граждан.

В случае нарушения обязательств по международному договору Кыргызской Республики другими его участниками Министерство иностранных дел Кыргызской Республики или другие заинтересованные министерства, государственные комитеты и административные ведомства по согласованию с Министерством иностранных дел Кыргызской Республики представляют Президенту Кыргызской Республики или в Правительство Кыргызской Республики предложения о принятии необходимых мер в соответствии с нормами международного права и условиями самого договора ст. 31 Закона о международных договорах Кыргызской Республики 1999 г.

Следует отметить, международное право не регламентирует вопрос о видах правовых актов по реализации международных договоров. Государства самостоятельно определяют, каким образом на внутригосударственном уровне формально обеспечить исполнение международных обязательств, вытекающих из договоров. В Кыргызской Республике для этих целей используются традиционные нормативные правовые акты – законы, указы и распоряжения Президента, постановления Правительства КР, распоряжения Премьер-министра КР, а также акты министерств и других республиканских органов государственного управления.

Правовые акты по реализации международных договоров призваны либо обеспечивать непосредственное применение самоисполнимых норм международного договора, либо выступать в качестве регулятора на национальном уровне отношений, возникающих в связи с наличием у государства международных обязательств. Эти акты могут приниматься как до, так и после вступления в силу договора.

Важная роль в реализации международного права на внутригосударственном уровне принадлежит такому элементу национального имплементационного механизма, как *правотрименительная практика*. Именно она призвана решать задачи по адаптации международного права к постоянно меняющимся условиям окружающего мира, согласованному применению как самоисполнимых международно-правовых норм, так и норм

национального права, обеспечивающих реализацию обязательств, вытекающих из международных договоров. Российский юрист И. И. Лукашук справедливо отмечает: «Практика применения, а точнее, неприменения нормы может привести ее в замороженное состояние, при котором она существует формально. С другой стороны, практика способна наполнить норму реальным содержанием, выходящим за формальные рамки. Норма – это возможность, которая усилиями субъектов может быть превращена в действительность» [5, с. 19].

Одними из важнейших элементов национального механизма реализации являются *организационные средства*, применяемые на внутригосударственном уровне для обеспечения реализации международного права. По своему содержанию они представляют не связанные с дополнительным внутригосударственным правотворчеством меры организационно-распорядительного характера, которые принимаются государственными органами, юридическими и физическими лицами государства-участника международного договора с целью выполнения его положений. Такие меры могут как предусматриваться самим международным договором, так и определяться самостоятельно на внутригосударственном уровне.

К числу этих мер могут относиться: проведение анализа национального законодательства с точки зрения его соответствия нормам международного права; проведение различного рода совещаний, семинаров; распространение различными способами знаний о международном праве; информирование о ходе выполнения тех или иных положений международного права; совершение материально-технических действий и т. п. В ряде случаев в целях содействия процессу реализации норм международного права могут создаваться национальные межведомственные комиссии или другие органы по координации деятельности министерств и других республиканских органов государственного управления, предприятий, организаций и учреждений в области имплементации норм международного права на национальном уровне. *Примером такого органа может служить Комиссия по имплементации международного гуманитарного права при Правительстве Кыргызской Республики.*

«Для приведения законодательства Кыргызской Республики в соответствие с международным правом, конкретно в данном случае – с международным гуманитарным правом, необходимо проведение соответствующей работы, направленной на присоединение к отдельным международным договорам, конвенциям, и внесение соответствующих изменений и дополнений в законодательство Кыргызской Республики. Нормы международного гуманитарного права должны быть также направлены на проведение образовательных программ посредством набора и обучения персонала и иных мер, связанных с данным процессом. Названные меры имеют большое значение для обеспечения эффективной имплементации гуманитарного права», – говорится в Постановлении Правительства Кыргызской Республики от 18.06.2003 г. «О реализации предложений по имплементации норм международного гуманитарного права в Кыргызской Республике» (В редакции постановления Правительства КР от 10 марта 2004 года № 136).

В целях повышения дальнейшей эффективной реализации предложений по имплементации норм международного гуманитарного права в Кыргызской Республике и проведения образовательных программ в данной области Правительство Кыргызской Республики предусмотрело:

«1. Министерству юстиции Кыргызской Республики создать постоянно действующую межведомственную комиссию по имплементации международного гумани-

тарного права из компетентных сотрудников Министерства юстиции Кыргызской Республики, Министерства иностранных дел Кыргызской Республики, Министерства здравоохранения Кыргызской Республики, Министерства внутренних дел Кыргызской Республики, Министерства экологии и чрезвычайных ситуаций Кыргызской Республики, Министерства обороны Кыргызской Республики, Министерства образования и культуры Кыргызской Республики, Социального фонда Кыргызской Республики, Службы национальной безопасности Кыргызской Республики (по согласованию), представителей Национального общества Красного Полумесяца (по согласованию), Международного Комитета Красного Креста (по согласованию).

2. Утвердить прилагаемые:

– Положение о постоянно действующей Межведомственной комиссии по имплементации международного гуманитарного права.

– План мероприятий по имплементации международного гуманитарного права.

3. Министерством и ведомствам Кыргызской Республики, входящим в состав вышеуказанной комиссии, ежеквартально предоставлять в Министерство юстиции Кыргызской Республики информацию-отчет на бумажном и электронном носителях о ходе выполнения плана мероприятий по имплементации международного гуманитарного права для обобщения и дальнейшего направления по итогам каждого полугодия в Правительство Кыргызской Республики».

Наличие внутригосударственного механизма реализации норм международного права позволяет обеспечить полную, всестороннюю и своевременную реализацию принимаемых государствами международных обязательств. От действенности национального механизма реализации во многом зависит имидж государства, эффективность его правовой системы, возможности по обеспечению защиты человека. Если не предпринимать никаких шагов по реализации норм международного права, то нельзя ожидать, что его участники будут придерживаться вышеназванных норм. Именно поэтому следует принимать всевозможные меры по имплементации норм международного права в каждом государстве, которое является участником международных договоров. Обеспечить решение этой задачи призван национальный механизм реализации норм международного права.

Заключение

Следует сказать, что существующий механизм реализации международного права в Кыргызской Республике еще недостаточно совершенен. Однако, несмотря на это, имеются основания ожидать, что в будущем эти недостатки будут устранены. Об этом свидетельствует ориентация законодателя на международное право. Положения действующего законодательства Кыргызской Республики допускают прямое действие самоисполнимых соглашений во внутригосударственной сфере. Конституцией закреплено, что международные договоры и соглашения КР, а также общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы КР. Государство достаточно внимательно относится к своим международно-правовым обязательствам. Заключение каждого международного соглашения предшествует тщательная правовая экспертиза. Повышению в

республике авторитета международного права способствует также его преподавание в высших учебных заведениях кыргызского государства. Особый случай – создание специального органа по имплементации международного гуманитарного права.

Для успешного реформирования имеющегося механизма реализации международного права еще необходимо проделать значительную работу, которая должна коснуться едва ли не всех отраслей национального права. Для того чтобы «подключить» международное право к правовой системе Кыргызской Республики, понадобятся усилия не только юристов-международников. Как представляется, особенно ценным был бы вклад судей, адвокатов и других специалистов, непосредственно осуществляющих правоприменительную деятельность.

Литература

1. *Баархорн Б.* Соотношение международного и внутреннего права в Нидерландах. // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1996. – № 1. – С.4–12.
2. Всеобщая Декларация прав и свобод человека 1948. Права человека и прокурорский надзор в Кыргызской Республике // Сборник международных документов и национального законодательства Кыргызской Республики. – Б., 2000. – С. 72–77.
3. *Гавердовский А. С.* Имплементация норм международного права. – Киев: Вища школа, 1980.
4. Действующее международное право: В 3 тт. – Т. 1. – М.: МНИМП, 1996.
5. *Зыбайло А. И.* Проблема прямого действия общепризнанных норм международного права о правах и свободах человека в Республике Беларусь // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1999. – № 1. – С. 18–25.
6. ИПС «Токтом».
7. Конституция КР. – Бишкек, 2007.
8. *Лукашук И. И.* Международно-правовое регулирование международных отношений (системный подход). – М.: Международные отношения, 1975.
9. *Мингазов Л. Х.* Эффективность норм международного права. – Казань: КазГУ, 1990.
10. *Павлова Л. В.* Международное право в правовой системе государств // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1999. – № 3. – С. 1–12.
11. *Свинарски К.* Основные понятия и институты международного гуманитарного права как система защиты человека. – М.: МККК, 1997.
12. *Усенко Е. Т.* Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция // Московский журнал международного права. – 1995. – № 2.
13. *Флек Д.* Выполнение международного гуманитарного права: проблемы и приоритеты // Имплементация международного гуманитарного права. – М.: МККК, 1998.
14. *Черниченко С. В.* Личность и международное право. – М.: Международные отношения, 1974.
15. *Штайнбергер Х.* Современный немецкий конституционализм. – М., 1994.
16. *Bleckmann A.* Self-Executing Treaty Provisions // Bernhard R. Ed. 7, Encyclopedia of Public International Law.
17. *Bossuyt M. J.* The Domestic Judge and the International Convencant on Civil and Political Rights / with Special Reference to Belgian and U.S. Law // *ésumé des Cours, Douzième Session d'Enseignement.* Strasbourg 29 juin–24 juillet 1981.
18. *Bothe M.* The Role of National Law in the Implementation of International Humanitarian Law// *Etudes et essais sur le droit international humanitaire et sur le Principes de la Croix – Rouge en'honneur de Jean Pictet.* Genève – La Haye. CICR, Martinus Nijhoff Publishers, 1984. P. 307.
19. Doc. UN A/51/10.

20. См. подробнее: Drzewicki K. National legislation as a Measure for implementation of International Humanitarian Law // Implementation of International Humanitarian Law/ Research Papers by participants in the 1986 Session of the Center for Studies and Research in International Relations of the Hague Academy of International Law. Hague: Institute Asser, 1989. P. 110; Sassyli M. Op. cit. P. 34; David E. Principes de droit des conflits armés. Bruxelles: Bruylant, 1994. P. 164; Батырь В. А. Имплементация норм международного гуманитарного права в военном законодательстве Российской Федерации // Автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М.: Военный университет, 1999. С. 16.
21. David E. Le droit á la santé comme droit de la personne humaine // R.Q.D.I., 1985.
22. David E. Principes de droit des conflits armés, 2003.
23. Drzewicki K. International Humanitarian Law and Domestic Legislation with Special Reference to Polish Law. Hague: Institute Asser, 1985
24. Drzewicki K. National legislation as a Measure for implementation of International Humanitarian Law.
25. Sassyli M. Mise en oeuvre du droit international humanitaire et du droit international des droits de l'homme // Schweizerisches Jahrbuch des Volkerrechts. Vol. XLIII. 1987.
26. Scelle G. Règles générales du droit de a paix // R.C.A.D.I. 1993, vol. 46.
28. Цит. по: Waelbroeck M. Traitus internationaux et juridictions internationales dans les pays du Marchè Commun. Bruxelles, 1969.

E.K. Nogoibaeva,

*International and Business Law Department,
Head and Assistant Professor,
American University of Central Asia*

N.K. Myrsaliev,

*LL.M form Indiana University School of Law – Indianapolis,
International and Business Law Department,
American University of Central Asia*

Correlation between International Law and National Legislation in the Kyrgyz Republic

*“The High Contracting Parties undertake to respect and
to ensure respect for the present Conventions in all circumstances”¹*

Since the collapse of the Soviet Union, the Kyrgyz Republic has adhered to various international bilateral and multilateral treaties, thus recognizing its obligations under international law to observe these provisions in good faith². However, in practice most of these international treaties are not observed. An unfortunate consequence of which is the frequent violation of the core of human rights. One of the causes of such sad reality is the inadequate and ineffective implementation of